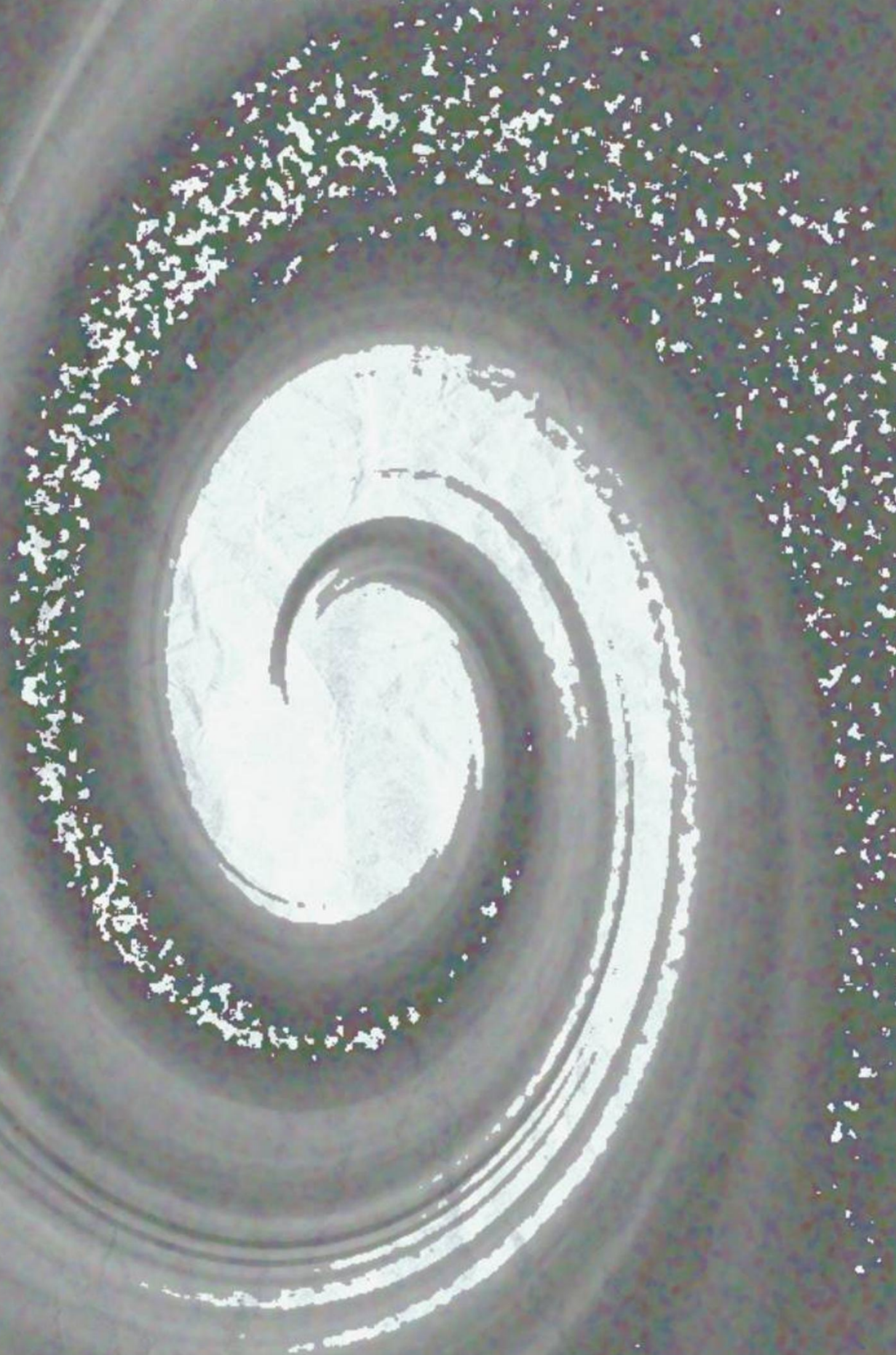

Иоанн Шенка

РОСТКИ
БЕЗУМИЯ

Иоанн Шенка
Ростки безумия

«Автор»

2019

Шенка И.

Ростки безумия / И. Шенка — «Автор», 2019

Что может случиться, если человек вдруг начнет искать и видеть вокруг себя то, чего нет? Что произойдет, если в один день жизнь этого человека превратится в настоящий кошмар наяву и будет похожа на пораженный разум душевнобольного? Будет ли вообще существовать такой человек, ушедший в недра безумия, ставший заложником своих тревог и страхов, копающий внутрь себя так глубоко, что весь мир вокруг выворачивается наизнанку? Это предстоит понять героям, жизни которых неожиданно сплетаются в одном мгновении, которое длится вечно. И разве все это не дурной сон?

© Шенка И., 2019

© Автор, 2019

Иоанн Шенка

Ростки безумия

Проснувшись вечером на протертом диване, я откинул плед к подлокотнику и медленно потянулся. Встать не хотелось, а скверный тонус и безделье, в котором я существовал целыми неделями, часто подвергали меня воздействию легких недугов. Организм становился все более хрупким, тело – неуклюжим, а мозг отказывался принимать более сложную информацию, чем желтые газеты и политические заметки.

На подоконнике – засохшие, сгрудившиеся тела мух и мотыльков. Как попадали они с той стороны стекла через москитную сетку? Загадка. Полумертвые насекомые двигались неестественно и сонно.

«Безработные – вот чем мы похожи...» – такие пустые мысли, возможно, и помогали рассудку не обмякнуть; задумаешься над ерундой, заметишь мелочи, и они начнут приобретать наполненность смыслом.

Пужинав, я уселся на диван. Каждый вечер я отбирал какое-то количество литературы, если ее можно было так назвать, и по всему дому возникали или исчезали кучки из книг, газет и журналов. Все они – в полнейшем хаосе, и перемещаются, как мне кажется, вообще без моего участия. Хотя все было перечитано ни по одному разу, я старался вытягивать удовольствие из каждой повторенной строки, пытаюсь обмануть себя, что не помню тот или иной фрагмент новеллы. Порой это удавалось.

От безнадеги разгребая очередную кучу, появившуюся у ног, я то и дело отвлекался на тюль, сильно вздымавшийся от ветра, и, обратив в очередной раз взгляд в сторону окна, за которым непогода готовилась к своему торжеству, увидел приближающегося почтальона.

«Целое событие!»

Ощущая волнение, с которым я не встречался уже много лет, я торопливо накинул халат на плечи и вышел на крыльцо.

«Доброго вам вечера!» – приветствовал я затаенного в мундир почтальона. В ответ писемщик лишь тяжело наклонил голову со здоровенным потным лбом, шмыгнул носом и отдал мне плотный бумажный пакет. Поскольку я давно уже не получал подобных посылок, то оказался в растерянности. Почтальон, вероятно, заметил это и, еще раз наклонив голову, вышел за калитку. И, хотя он был полноват, он понесся по тропинке такими быстрыми, широкими шагами, словно вообразил, что я запираю в подвале всякого, кто приблизится к моему дому.

Чтобы не томить себя пустым ожиданием, я вернулся в дом и, не медля, вскрыл пакет с неизвестными марками, на которых были изображены странные животные. Внутри были плотно скреплены резинкой письмо и толстая тетрадь в коричневой обложке с надписью «Ежедневник». Придя к выводу, что правильнее будет сперва прочесть письмо, я развернул исписанный прыгающим почерком лист бумаги, аккуратно сложенный в несколько сгибов, и приступил.

«Дорогой, пишет твой брат Федор. Прости, что пришлось тревожить в нелегкие времена, но события, которые происходят со мной, требуют немедленного разбирательства и помощи! Пишу в спешке. Боюсь рассказывать об этом полиции. И это не просто слова! С людьми не общаюсь уже очень долгое время. Тем более кругом все суют нос не в свои дела. Думаю, у тебя могут возникнуть предположения о помешательстве, ведь эти события и вправду кажутся надуманными, но прошу тебя – отнесись осторожно ко всему изложенному...»

На этом моменте всякая растерянность прекратилась, и лишь некая тяжесть легла на меня. Я продолжал читать.

«...То, что ты прочтешь дальше, нельзя привлекать к этому делу никаких, повторяю: НИКАКИХ посторонних. Однажды это чуть не стоило мне жизни. Ты можешь подумать, что я сошел с ума, но это не так, поверь. Хотя я и сам уже не знаю, чему верить. Что есть реальность, а что – большое воображение запуганного человека. Запомни, ни при каких обстоятельствах не предавай огласке записанное мной, но прошу тебя как можно скорее изучить все и приехать. Живу я сейчас там же, из дома почти не выхожу. Вся информация, наблюдения, которые я собираю, не знаю точно, сколько дней и месяцев, находятся в моем ежедневнике. Высылаю его тебе. Прошу, не беспокойся! Твоему состоянию это не повредит. Я надеюсь на тебя. Скорее приезжай! Со страхом осознаю, что в той тревоге и нелепом ужасе, в которых я сейчас нахожусь, долго выдержать не смогу. Когда приедешь, прошу тебя постучать в дверь три раза, а потом еще два спустя пять секунд. Так я пойму... А, впрочем, ты узнаешь... До встречи!»

Закончив чтение, я еще минут десять сидел неподвижно. В глазах являлись различные образы, погружающие меня в состояние безэмоционального рассуждения. Я отрицал, что такое могло произойти с братом, но в то же время понимал – врать он не будет. Федор был журналистом по профессии и повидал в разные годы своей жизни немало. Поэтому такое отчаяние – не характерно для него. Конечно, как и многие другие члены семьи, мы с ним нечасто общались в последнее время. По телефону, переписке – три-четыре раза в год. Но редкость разговоров не делала нас чужими.

В минуты прочтения письма, я, сопоставив время, осознал, что более полугодом назад наше общение как раз и прекратилось. После нескольких попыток наладить связь, я не захотел больше беспокоить брата звонками, а паниковать и ехать к нему не было смысла – соседи в случае чего давно бы связались со мной. Отправленные же письма, должно быть, не дошли, утонув в почтовых разносках.

Заметив, что изъел всю кожу вокруг одного ногтя, я со всей силы сжал кулак. «Не привык к неврозу, надеюсь и не привыкну. Долгое спокойствие разнежило меня, а иногда нужно быть готовым к волнениям».

Застучал дождь. Капли быстро превратили паутину, раскинутую меж створкой окна и веткой яблони, в украшение из биконусов и бисера.

Приступать к ежедневнику, предвосхищая его содержание, по предчувствию, неприятное и даже болезненно-темное, было страшновато. Хотелось скорее разобраться в ситуации, собрать вещи и ехать к брату. Быть может, он просто находится в том состоянии, когда человек не может осознать необходимость медицинской помощи. Однако сделать это без полного изучения записей вряд ли получится. К тому же я доверяю ему, и должен соблюсти указание – не привлекать посторонних. По крайней мере, пока верю в трезвость его разума. И поскольку к столкновению с, как он написал, ужасом я готовлюсь в одиночку, нужно постараться с холодной головой добраться до сути, если таковая вообще имеется. Полагаю, погружение в текст наверняка запеленит истину переживаниями, вызвав трепет перед неизвестным, ведь очевидно: *motusque minus roena quam mora mortis habet*. Но оно сделает возможным поиск пути, ведущего к разгадке.

Ежедневник пах колбасой, этот запах смешивался с запахом старой бумаги и чернил. Прочтя записи на форзаце, в которых указывалось, что ежедневник подарен неким С. М. А., я обнаружил, что первая страница аккуратно вырвана. Пролистал дальше: с первых строк почерк шел достаточно аккуратно, но постепенно сменялся на небрежный, торопливый. Убедившись, что никаких вложений не скрыто в толще тетради а записи идут одна за другой, отделяясь

абзацами и странными рисунками, я вернулся к началу, дабы, наконец, столкнуться с необъяснимым.

Записи из ежедневника

Делаю эту заметку вследствие замеченных мной странностей. Неделю назад, а точнее, 19-го октября, я заметил, что в доме через дорогу, в квартире, которая до этого дня пустовала лет семь, поселился гражданин в пиджаке. Да, по всей видимости, пиджак, брюки и рубашка – его единственная одежда. И домашняя, и выходная. Не знаю, что побудило меня в тот день, но благодаря моему желанию подмечать со скуки разные ситуации вблизи дома не без помощи хорошего окуляра, я решил посмотреть на нового соседа. Само собой, это не вызвало ни единой лишней мысли. Я подготовил все, что необходимо, сел в кресло и, выключив предварительно весь свет в квартире, начал наблюдение.

Соседом оказался сухопарый сутуловатый мужчина с гладко выбритым лицом, почти бесцветными бровями, с немного сальными прядями волос и крючковатым носом. Ему можно было дать лет сорок – чуть моложе меня. За какое-то время удалось подметить схожесть в наших вкусах, в нашей холостяцкой обстановке. И не то чтобы у меня была острая необходимость устраивать слежки за новыми жильцами, но в этот раз меня как-то, признаюсь, затянуло. Плюс ко всему, меня интересовал факт – кто же умудрился въехать в эту старую, запущенную квартиру. Проще сказать – это дыра в неблагополучном доме. В чем причина такого выбора? Впрочем, возможно, как и у многих, выбора особо и не было?

За эту неделю я успел провести дурацкие наблюдения раза три-четыре после работы. Заметил я не так много, но что меня заинтересовало в этом человеке – это интересная схожесть наших суетных дел, и в то же время странность поведения моего подопытного. Он тоже любит побездельничать, иногда что-то пишет, выпивает – похоже, брагу, что ли, собственного производства, черную и густую, как битум. В свободное время житель захудалой квартирки занимается всякого рода пустой деятельностью.

А вчера я наблюдал следующее: он достал из шкафа довольно нелепые на первый взгляд фарфоровые темные фигурки, поставил их на стол и два часа вытирал с них пыль. Что-то идиотическое было в этих безостановочных взмахах тряпки и прибора, похожего на павлиний хвост. Фигурки оказались, честно сказать, безобразные, и, хотя я подобное искусство в недалеком прошлом еще как-нибудь мог оценить, любой другой испытал бы откровенную неприязнь к мастерам-изготовителям. Три статуэтки, которые он поставил в линию, напоминали животных, только будто вывернутых наизнанку. Если напрячь воображение и добавить некоторые детали, то можно увидеть кота, пуделя и птицу, по виду напоминающую сову. Так вот, этот мужчина протирал пыль в течение пары часов. Вдумайтесь (если кто-то вообще будет читать эти смехотворные заметки), столько времени он потратил... Бред! Потом он накинул на эти фигуры полотенце и убрал в шкаф.

Я не мог представить, что значили эти исчадия для соседа, но лично для меня смысл столь долгой уборки отсутствовал полностью. Но вот что самое неясное и тревожное: после того как он засунул эти бесподобные статуи в шкаф, он обернулся и пару секунд смотрел прямо в мое окно, или, как тогда показалось, прямо на меня. Смотрел... С такими глазами, словно в них отражались эти страдающие сюрреалистичные образы. Обычно я могу отличить случайность от намеренности, но вчера я не успел даже подумать, мне захотелось сжаться и спрятаться в один из ящиков прикроватной тумбы. Мое тело будто без моего участия пригнулось и село под подоконником. Выступил пот и появилось ощущение, которое можно описать, как затруднение дыхания, будто объем легких сократился в несколько раз. Я был уверен, что рассчитал все идеально, и меня невозможно увидеть ни под каким углом, тем более с включенным в его квартире светом.

Просидев так еще минут пять, я медленно приподнялся и посмотрел в окно через дорогу. Света там не было.

Число 26. Октябрь

Ночь. Почему я выбрал писать в более-менее художественной форме? Так приятнее читать и мыслить мне самому, ведь я пишу строго для своих заметок. От безделья, наверное. Да и будет что вспомнить на досуге через время. Пока есть возможность, обдумываю, а затем излагаю вот в такой манере. Художественное слово сильнее погружает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.